

HAL
open science

**НЕОРДИНАРНАЯ ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ Л.
ГРОССМАНА О “ЕВГЕНИИ ГРАНДЕ” В ПЕРЕВОДЕ
ДОСТОЕВСКОГО (ACADEMIA, 1935)**

Rolet Serge

► **To cite this version:**

Rolet Serge. НЕОРДИНАРНАЯ ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ Л. ГРОССМАНА О “ЕВГЕНИИ ГРАНДЕ” В ПЕРЕВОДЕ ДОСТОЕВСКОГО (ACADEMIA, 1935). IMLI RAN. Ф.М. Достоевский в литературных и архивных источниках конца XIX- первой трети XX века, А.М. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 2021, 978-5-9208-0662-8. <10.22455/978-5-9208-0662-8>. <hal-04735053>

HAL Id: hal-04735053

<https://hal.science/hal-04735053v1>

Submitted on 17 Oct 2024

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire **HAL**, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

**НЕОРДИНАРНАЯ ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ Л. ГРОССМАНА О «ЕВГЕНИИ ГРАНДЕ»
В ПЕРЕВОДЕ ДОСТОЕВСКОГО (ACADEMIA, 1935)**

в : Ф.М. Достоевский в литературных и архивных источниках конца XIX- первой трети XX века, ред.-сост. Е.А. Андрущенко, В.М. Введенская, М.В. Козьменко, М. ИМЛИ РАН, 2021, с.173-192.

В 1935 г. в Москве вышло в свет три издания «Евгения Гранде». Первое было частью внушительного проекта по изданию сочинений Бальзака в двадцати томах, начатого в 1933 г. в Гослитиздате под руководством Анатолия Луначарского и Евгения Корша. «Евгения Гранде» в новом переводе Юрия Верховского вошла в 4-й том двадцатитомника [см. Бальзак 1935 (1)]. Этот же перевод был опубликован отдельной книгой в том же году и в том же издательстве [см. Бальзак 1935 (2)]. В третий раз роман появился в руководимой Абрамом Эфросом серии «Французская литература» издательства «Academia» [см. Бальзак 1935 (3)]. В издании был представлен сделанный Достоевским перевод романа, опубликованный впервые в 1844 г [см. Бальзак 1844]. Несколькими годами ранее, в 1927 г., роман Бальзака в переводе Исаия Мандельштама вышел в Ленинграде в издательстве «Прибой» [см. Бальзак 1927].

Зачем же нужно было вновь печатать старый перевод «Евгения Гранде», уже переиздававшийся в 1918 г [см. Бальзак 1918]? Ведь в распоряжении читателя имелись два более новых перевода, причем второй из них вышел в том же году, что и гроссмановское переиздание, был выполнен в соответствии с современными переводческими принципами и априори лучше отвечал читательским потребностям, чем перевод Достоевского?

На эти вопросы пытается ответить Леонид Гроссман как литературовед и редактор издания.

На рубеже 1920-х – 1930-х гг. Исаия Мандельштам был одним из самых деятельных советских переводчиков. Переводчик Бальзака [Бальзак. 1928], Эжена Фромантен [см. Фромантен 1930], Артура Шницлера, Якоба Вассермана, Ромэна Роллана, он сотрудничал и с издательством «Academia» [см. Бальзак 1930]. Ни

Гроссман, ни руководство издательства не могли не знать о существовании его перевода «Евгении Гранде». Функционирование «маленького мира» советского литературного перевода начала 30-х гг. наводит на мысль, что в момент написания своего предисловия Гроссман, вероятно, знал также о проекте перевода «Евгении Гранде», задуманном в рамках большого издания Бальзака в Гослитиздате. Участники проектов различных литературных издательств были одни и те же; постоянные авторы того, что Женетт [см. Genette 1987] называет «перитекстами» (предисловия, вступления, статьи, биографические очерки, комментарии и примечания), зачастую переходили из одного издательства в другое. Например, Борис Грифцов, автор множества переводов и «литературных комментариев» Бальзака в Гослитиздате, регулярно сотрудничал с издательством «Academia», особенно в бальзаковских томах [см. Бальзак 1937]. Верховский был ответственным редактором тома воспоминаний Анны Керн, появившегося в издательстве «Academia» в 1929 г [см. Керн 1929]; он перевел 4 главы «Жизнеописаний» Вазари, опубликованных там же в 1933 [см. Вазари 1933]. Итак, можно предположить, что Гроссман писал предисловие, вполне осознавая соперничество с Мандельштамом и Верховским.

Роман предварялся двумя вступительными статьями. Подобную практику нельзя назвать частой в советских изданиях тридцатых годов, но для издательства «Academia» это не исключительный случай. Бывало и такое, что издание включало в себя до трех или, реже, четырех вступительных перитекстов [см. *Книга тысячи и одной ночи* 1932-1939]. Многотомные издания содержали множество статей. Например, в первом томе можно обнаружить «биографический очерк», относящийся ко всему многотомнику, и – в том же томе или одном из следующих – предисловие к конкретному тексту, как, в частности, в двухтомном собрании песен Беранже [см. Беранже 1936]. Нередко тексты, опубликованные издательством «Academia» в однотомниках, также сопровождались множеством вступлений и предисловий [см. Болотов 1931 ; Дельвиг 1930; Полициано 1933; Свифт 1928]. Однако наличие перитекста, посвященного исключительно переводу, не было типичным явлением. Это случай «Евгении Гранде», а также опубликованного издательством «Academia» в 1932 г. «Дон Кихота», который сопровождался, среди прочих, предисловием Александра Смирнова [см. Сервантес 1932].

Содержание вступительной статьи Гроссмана и его функция в издании «Евгении Гранде» существенно отличаются от значения предисловия Смирнова к «Дон Кихоту».

Предисловие Смирнова не превышает десяти страниц, в то время как ему предшествуют две существенно более развернутые вводные статьи: одна – Павла Новинского, другая – Бориса Кржевского. Краткое смирновское предисловие выглядит как простое дополнение, предназначенное для читательской публики, интересующейся проблемами перевода. По сравнению с анализом содержания рассмотрение перевода имеет второстепенное значение.

Смирнов начинает с утверждения о преходящем характере любого перевода:

Словом, если есть «бессмертные» литературные произведения, то бессмертных переводов не может быть, и чем значительнее произведение, тем чаще должен возобновляться его перевод [см. Сервантес 1932. С. LXVVVIV].

Потом Смирнов ставит новый перевод «Дон Кихота» в контекст предшествовавших ему более или менее недавних переводов. Некоторые из них, созданные на основе французских, являются неточными, неясными, неверными; другие, напротив, отличаются сухой буквальностью, которая уничтожает художественное значение оригинала. По утверждению Смирнова, он предлагает золотую середину, отвечающую современным требованиям точности, и в то же время «художественности». Он с гордостью констатирует, что новый перевод, публикуемый издательством «Academia», выполнен с более глубоким пониманием оригинала, чем переводы на другие языки, что стало возможно благодаря «особым исследованиям» и недавним работам по филологии, появившимся в Испании [см. Сервантес 1932. С. XC]. Постоянно используя личное местоимение множественного числа («мы»), подчеркивающее существование команды, Смирнов дает понять, что эти блестящие результаты были достигнуты коллективной работой. В этом издании «Дон Кихота», руководителем перевода которого он был (совместно с Кржевским), прекрасно отвечает принципам официальной издательской политики «Academia». Издательство свидетельствует в сущности, что труды, которые оно выпускает, – это продукт тесного сотрудничества переводчиков и группы «авторов» в широком смысле, то есть всех тех, кто так или иначе участвует в публикации на основании контракта с издательством. «Academia» гордится новаторским характером своих изданий иностранной литературы, который, по ее мнению, следует из единства, взаимодополняемости подлинно социалистических коллективов и применяемой марксистской (и тоже новаторской) методологии. Предполагается, что только новая, порожденная революцией культура сделает

возможным становление этого нового типа перевода. Перитексты призваны взаимодействовать с переведенным произведением и облегчать читателю знакомство с текстом. Иностранная литература выходит из гетто интеллектуальной элиты, освобождается от буржуазных интерпретаций, чтобы стать более доступной, более демократичной; опора на марксизм позволяет сделать ее понимание более верным.

Читаем в протоколе заседания Редакционного Совета 1932 г.:

Все издания «Academia» должны носить строго-научный и вместе с тем общедоступный характер. Издания памятников мировой художественной и мемуарной литературы, а также документов искусства, истории литературы и быта должны давать канонические тексты, строго проверенные с текстологической и документальной стороны, в сопровождении научного аппарата (вводные статьи, комментарии, примечания), дающего истолкование данного памятника и его роли в истории человеческой мысли с точки зрения научного социализма. [...]

В соответствии с этим издательство, совместно со своими сотрудниками должно обсудить и выработать тип научного аппарата (вводных статей, комментариев, примечаний), который должен сопровождать ее издания.

Каждое издание «Academia» должно представлять собой цельный продукт совместной, коллективной работы текстолога (или переводчика), комментатора и иллюстратора, работающих под общим руководством одного из членов Редакционного совета (или специально указанного последним лица). Эта коллективная работа должна обеспечить согласованность всех элементов данного издания и их соответствие общему принципу издательства: критическому усвоению и переработке культурного наследия прошлого с точки зрения новой пролетарской культуры [см. АГ 1932].

Если предисловие Смирнова к «Дон Кихоту» легко вписывается в рамки программных деклараций «Academia», то вступление Гроссмана к «Евгении Гранде» представляет собой совсем иной случай. Задача Гроссмана в статье «Бальзак в переводе Достоевского» противоположна задаче Смирнова. В издании Бальзака он уверенно пренебрегает издательской линией, афишируемой «Academia». Переведенная версия не канонична, перевод не современен, текст полностью отделен от научного аппарата и т.д. Для Гроссмана речь идет о том, чтобы доказать, что правомерно публиковать старый перевод романа, хотя он несет черты ушедшей эпохи и слывет полностью устаревшим:

[...] бесспорные достоинства первого печатного труда Достоевского сохраняют за ним до сих пор выдающееся значение, явно перевешивают его дефекты и в ряде случаев едва ли могут быть превзойдены новейшими переводчиками. Между тем существует мнение, что перевод Достоевского непоправимо порочен в силу чрезмерно свободного обращения неопытного литератора с оригиналом, непозволительными вольностями его пера, якобы опускающего целые эпизоды французской версии, но приписывающего взамен к тексту «Eugénie Grandet» новые сцены, словно вдохновлённые Бальзаком его чересчур увлекающемуся русскому интерпретатору [см. Бальзак 1935 (3). С. LX].

Доказательство выглядит не очень основательным; вероятно, поэтому в своей вступительной статье, куда более развернутой, чем предисловие Смирнова, Гроссман использует все средства искусства убеждения.

Первый прием Гроссмана появляется в последовательности представления перитекстов. Гроссман – редактор издания «Евгении Гранде». По месту и почет: эта позиция должна была позволить ему поставить себя первым, но, как мы видим, он не стал этого делать. Книга открывается введением Владимира Гриба: «Буржуазная психология и власть денег». Молодой двадцативосьмилетний интерпретатор, автор кандидатской диссертации о Лессинге, защищенной в 1934 г., уже публиковался в журналах первого плана [см. Гриб 1934]; сборник его работ о Бальзаке должен был вскоре появиться на английском в Нью-Йорке [см. Гриб 1937]. Гриб проводит социо-исторический анализ творчества Бальзака. Его работа идеально подходит на роль новых литературных штудий, структурированных вокруг марксистской теории и недавно освобожденных от «вульгарного социологизма». Эпоха изобиловала исследованиями о «реализме», которые опирались на знаменитое письмо Энгельса к Маргарет Гаркнесс (1888 г); оно было впервые опубликовано по-русски в 1932 году и стало предметом всеобщего внимания и многочисленных комментариев.

В таком контексте предисловие Гриба служило доказательством, что современное «пролетарское» издание «Евгении Гранде» может полностью опираться на перевод, датированный минувшей эпохой. Гриб цитирует здесь и там выражения Бальзака, но они так редки, так коротки, и ссылки на них так расплывчаты, что сложно понять, к какому переводу он прибегает. Похоже, что для него этот вопрос не стоит. Самое существенное, что «Евгения Гранде» в переводе Достоевского, как и в других (ибо это, в сущности, неважно), легко поддается марксистской интерпретации. Гроссман располагает здесь досрочным ответом на возражения, которые неминуемо

были бы ему сделаны, – это возражения, связанные с несоциалистическим характером перевода, еще более сомнительного из-за недостаточно революционных убеждений переводчика. Порядок перитекстов позволяет отчасти уйти от трудностей, связанных с выбором Гроссмана.

Прикрывшись вступительной статьей Гриба о Бальзаке, Гроссман переключает внимание на того, кто, как правило, остается в стороне: на переводчика. Теперь уже не перевод оказывается на службе у оригинала, а чуть ли не наоборот. В сущности, Гроссман, известный специалист по Достоевскому, интересуется Бальзаком только в той мере, в какой его влияние оказывается определяющим в генезисе творчества русского писателя. Внимание исследователя к почти забытому тексту перевода объясняется открытием, которое Гроссман сделал пятнадцатью годами ранее: обращение Достоевского к «Евгении Гранде» сыграло значительную роль в формировании будущего романиста [см. Гроссман 1925]. Первая публикация перевода в скромном журнале вызвала не больше откликов, чем его включение спустя полвека в полное собрание сочинений Достоевского [см. Бальзак 1918]. Это «крупное событие», – пишет Гроссман, – прошло «совершенно незамеченным» [см. Бальзак 1935 (3). С. LXXVI]. Новое открытие этого текста, называемого Гроссманом в 1935 г., как и в 1919 г., «первым печатным трудом Достоевского», было, в сущности, мало связано с его переводным характером. В центре внимания – генетическая связь «Евгении Гранде», переведенной Достоевским, с его будущим творчеством. Прибегая к терминологии Тынянова, можно сказать, что Гроссман видит текст Бальзака как «материал», «деформированный» «конструктивным принципом», который ему навязал Достоевский.

Во вступительной статье Гроссмана сопоставление перевода с оригиналом не могло быть полностью обойдено, но позиция Гроссмана неизменна: как бы вольно не обращался Достоевский с текстом, его перевод остается несравненным скорее из-за яркости и мощи его стиля, чем из-за верности Бальзаку.

Гроссман достаточно благоразумен, чтобы не пытаться скрыть обстоятельства создания перевода, позволяющие не считать эту работу Достоевского серьезным литературным трудом. Его предисловие начинается следующим образом:

Молодой Достоевский обращался к работе переводчика как к лёгкому литературному заработку; но при этом он брался за переводы только самых любимых и близких авторов, обеспечивающих ему в передаче иностранного текста широкую возможность сотворчества. «Евгению

Гранде» он перевёл чрезвычайно быстро, в какие-нибудь две-три недели; но он переводил эту повесть с громадным увлечением и подлинным подъёмом начинающего писателя, зачарованного высоким совершенством европейского мастера [см. Бальзак 1935 (3). С. LIX].

В этих строках явственно проявляется метод, используемый Гроссманом. Сначала он признает правоту скептиков и потенциальных оппонентов в тех или иных пунктах: да, Достоевский на самом деле работал очень спешно и ради заработка... Затем он полностью снимает значение этих негативных элементов: ...но он выбирал для перевода своих любимых авторов и отдавался работе со страстью. В процитированном пассаже повторение приема (выраженного комбинацией «точка с запятой, но...») делает его особенно заметным. Этот переход от первой ко второй серии аргументов, которые их оспаривают и нивелируют, можно наблюдать на протяжении всей статьи, так что перечисление маленьких слабостей перевода Достоевского функционирует как предлог для изложения его блистательных и многообещающих успехов. Цитированный пассаж продолжается так:

Отсюда два свойства его работы: следы деловой торопливости, порождающей ряд недостатков перевода в виде неточностей, пропусков, подчас даже ошибок; и наряду с этим живой и цельный поток художественной речи, изобилующей замечательными находками и полновесными формулами, уже раскрывающимися в двадцатилетнем соотруднике «Репертуара и пантеона» будущего классика русского романа [см. Бальзак 1935 (3). С. LIX].

Чтобы убедить читателя, Гроссман умалчивает о некоторых моментах, которые могут ослабить его доказательства. Он, например, забывает уточнить, что Достоевский изначально собирался переводить не Бальзака, а Эжена Сю. Как известно, писатель отказался от Сю, узнав, что текст уже переведен. Что касается выбора «Евгении Гранде», позволительно думать, что он, по крайней мере частично, был определен практическими соображениями: Жак Като полагает, что, решаясь переводить Бальзака, Достоевский «очевидно, без сожаления пользуется благоприятным моментом (путешествие Бальзака в июле-августе [1843] в Санкт-Петербург)» [см. Catteau 1978. С. 25].

Для сомневающихся в том, что интерес Достоевского к «Евгении Гранде» был неслучайным, Гроссман изначально пытается представить полную картину доказательств, не упуская уже высказанные упреки, чтобы затем показать их

несостоятельность. Вслед за другими он отмечает целую серию расхождений между переводом и оригиналом, но заключает в конце концов, что сравнение между двумя текстами безосновательно, потому что Достоевский обращался к другой версии, нежели его критики. Молодой инженер перевел текст первого издания – 1834, а не 1843 г. При сравнении с первой версией романа, перевод Достоевского оказывается вовсе не столь приблизительным и ошибочным, как о нем говорят.

Для Гроссмана сам факт, что Достоевский переводил не каноническую версию «Евгении Гранде», нисколько не умаляет ценности его работы, даже напротив: его перевод несет отпечаток деления текста на главы, снабженные заголовками, которые фигурировали в первом издании и об утрате которых в последующих изданиях Бальзак, уверяет Гроссман, всегда сожалел. Гроссман не задается вопросом, насколько уместным было представлять в 1935 г. версию 1834 г. интересующемуся Бальзаком читателю. Поставив его, пришлось бы признать, что перевод Достоевского устарел *ab initio*. Независимо от сожалений, которые испытывал Бальзак из-за отказа от деления на главы и сопроводительных названий, все издания, следующие за 1843 г., воспроизводили третью версию романа. Ясно, что Достоевский не перевел последнюю версию «Евгении Гранде» по незнанию или из-за материальных трудностей.

Отметив слабости перевода, Гроссман объясняет их культурным контекстом эпохи и тем самым приуменьшает их важность. Словарь Достоевского, например, неточен, но в середине XIX века, объясняет Гроссман, словарей, которыми пользуются переводчики XX века, еще не существовало. Иногда Гроссман увлекается тем, что Ив Бонфуа называет «тщетными хлопотами о доказательствах» [см. Vonnefoy 1980. С. 15].

Мы читаем:

С высоты знаний, доставляемых новейшими словарями, энциклопедиями, синтаксисами, сборниками синонимов, учебниками по поэтике и стилистике, разработанными теориями лингвистики и художественного перевода, как и всевозможными специальными справочниками по всем отраслям наук и искусств, нетрудно одержать ошеломляющие победы над Кетчером, Дружининым, Аполлоном Григорьевым и даже Достоевским и Тургеневым, прилежно передававшими шедевры иностранной литературы русскому читателю своего времени [см. Бальзак 1935 (3). С. LXIX].

Весьма посредственная репутация перевода «Евгении Гранде», сделанного Достоевским, несправедлива, полагает Гроссман, но, самое главное, его достоинства остаются неизвестными. Ибо, сколь его недостатки обыденны, типичны для эпохи, столь его достоинства исключительны.

Мы видим здесь, что «научная строгость», заявленная руководством издательства «Academia» уступила место рискованному красноречию полемиста, если не сказать софиста. Пламенная защита Достоевского побуждает Гроссмана согласиться с тем, что любой современный перевод имеет множество шансов быть лучше, чем выбранный. Однако, если Гроссман и готов согласиться с этим утверждением, оно все равно не имеет в его глазах большого значения, ибо «первый печатный труд Достоевского» не только перевод: это прежде всего произведение писателя. Под этим названием «Евгения Гранде» Достоевского не поддается никакому сравнению с простыми переводами.

Гроссман отмечает у Достоевского - переводчика Бальзака две главные особенности: его «конгениальность» [см. Лешневская 2008] французскому романисту и его творческую мощь. По утверждению, которое Гроссман развивает в своей статье, невероятная, длившаяся всю жизнь преданность Достоевского Бальзаку свидетельствует о том, что он с юности усвоил смысл «Евгения Гранде» лучше, чем кто бы то ни было. Такое регрессивное объяснение нельзя назвать основательным: последующее не может быть причиной предыдущему, но Гроссман старается убедить читателя, что постоянная любовь Достоевского к Бальзаку сразу дала ему особенное понимание произведений французского писателя и его художественного мира. Этот род интеллектуального и эмоционального слияния автора и переводчика дает больше ценности переводу, чем ограниченная забота о точности. Ибо конгениальность встречается редко. Она необходима для «художественного перевода», но, как сказал Грифцов, не может быть вызвана по запросу [см. РГАЛИ (б. д.)]. Именно поэтому перевод «Евгения Гранде» Достоевского так драгоценен.

Утверждение о конгениальности Достоевского Бальзаку позволяет Гроссману под нужным углом поставить вопрос о «вольном переводе»: «Перевод Достоевского совершенно свободен. Соблазнов буквализма он тщательно избегает» [см. Бальзак 1935 (3). С. LXXIX].

Уже не одно десятилетие вольный перевод, предполагающий серьезную переработку текста при его переходе из одного языка в другой, рассматривался как устаревший метод.

Выражение служило для описания переводов XIX века. К счастью для Гроссмана, вольный перевод вновь обрел некоторую уместность, так как противостоял «буквализму», который свирепствовал в мире перевода и против которого, как и другие, боролся Гроссман. Ведомый душевным родством с автором и многое

домысливая, переводчик добирается до общего смысла оригинала, не сосредотачиваясь на деталях. Враждебность Гроссмана к буквализму позволяет ему оказаться среди единомышленников. Публикуя «Евгению Гранде» в переводе Достоевского, он не воскрешает забытый текст, не соответствующий современным вкусам, а, напротив, оказывается заодно с Корнеем Чуковским в злободневном споре о литературном переводе.

Сочувствие автору, характерное для лучших переводов XIX века, импонировало Корнеем Чуковским:

[...] переводчик не фотографирует подлинник, а воссоздает его творчески. Текст подлинника служит ему материалом для его сложного и часто вдохновенного творчества [см. Чуковский 1936. С. 56].

То, что говорил Чуковский об Иринархе Введенском, переводчике Диккенса, перекликается с тем, что говорил Гроссман о Достоевском:

Он (Введенский) не понимал его (Диккенса) слов, но он понял его самого. Он не дал нам его буквальных выражений, но он дал нам его интонации, его жесты, его богатую словесную мимику. [...]

Иногда кажется, что в переводе Введенского Диккенс более Диккенс, чем в подлиннике. Это, конечно, иллюзия, но мы всегда предпочтем неточный перевод Введенского точному переводу иных переводчиков, ибо, в сущности, этот неточный перевод гораздо точнее точного, рабски передающего букву, но не воспроизводящего ни ритма, ни интонаций, ни стиля. Со всеми своими отсебятинами, он гораздо ближе к оригиналу, чем самый старательный и добросовестный труд какого-нибудь В. Ранцова, или М. П. Волошиновой, или Н. Ауэрбаха – позднейших переводчиков Диккенса.

Самый худший переводчик – буквалист, глухой и слепой к интонациям подлинника [см. Чуковский 1936. С. 102-103].

Среди русских переводов Бальзака воплощением буквализма оказывается работа Мандельштама [см. Лешневская 2008. С. 287]. Именно его, по всей видимости, имеет в виду Гроссман, когда пишет:

Мастера современного перевода, удачно сочетающие верность подлиннику с его творческой передачей, могут дать новые ценные версии бальзаковской повести для русских читателей. Но перед эксцессами буквализма и механической точностью иных современных переводов, нередко заменяющих влюбленность старинного

переводчика в его труд и выдающийся словесный дар первоклассных писателей кропотливыми штудиями и внешними экспериментами, часто совершенно чуждыми вдохновения и творческого опыта, испытываешь потребность обратиться к «вольным» переводам Бальзака Достоевским и Флобера Тургеневым [см. Бальзак 1935 (3). С. LXXXVII].

Гроссман будто не замечает, что выражение «вольный перевод» приобретает в его статье несколько иной смысл, чем в эпоху молодого Достоевского. Столь же сочувственные, как и были, современные переводы являются бесконечно менее «вольными», чем переводы прошлого, но Гроссман игнорирует эту разницу: в его глазах небуквальный перевод всегда оказывается «переложением», несвободным от того, что Чуковский называет «отсебятиной».

Утверждая, что нередко перевод должен быть отчасти прокомментирован, чтобы смысл был передан, Гроссман ссылается на берлинского германиста Рихарда Морица Мейера (1860–1914). Апеллируя к Мейеру или «немецкому драматургу» (sic) Гюставу Фульду, исследователь приводит примеры, которые не всегда можно назвать убедительными. Так, нельзя согласиться, что название «*Joséphine répudiée*» [см. Masson 1901]. было бы лучше перевести «Императрица Жозефина в опале», чем «Отвергнутая Жозефина», что, по Гроссману, «сильно смахивало бы на название оперетки» [см. Бальзак 1935 (3). С. LXXXI]. Также сомнительно, что лучшим переводом названия «*Malade imaginaire*» была бы «совершенно свободная полуироничная формула» «Болезни господина Оргона». Представляется, что подобные предпочтения вызваны стремлением оправдать собственную концепцию: Гроссману важно показать, что практикуемый Достоевским метод перевода-переложения вполне актуален и в XX веке, – надо избегать излишней буквальности.

Таким образом, элементы, которые в переводе Достоевского выглядят на первый взгляд устаревшими и неприемлемыми в XX в., в реальности оказываются самыми ценными. Изменения, купюры и вставки в текст, безусловно, являются признаком творческой изобретательности молодого Достоевского, его писательской мощи, без которой перевод был бы менее блистательным, менее удачным. Все, что малоискушенный глаз примет за недостатки перевода, для умеющих видеть оказывается – как в «Гадком утенке» – предзнаменованием будущего блеска, и именно это придает ценность переводу.

Защищенный от произвольности конгениальностью, которая связывает Достоевского с Бальзаком, перевод-переложение питается творческой изобретательностью будущего русского классика.

Единство и цельность превосходной художественной прозы на всем протяжении русского текста, творческая устремлённость живописующей и будящей внимание речи, замечательная живость и характерность всех разговоров, уже предвещающая в переводчике будущего мастера диалога, чудесно воспроизведённые характеристики главных персонажей [...] — всё это сохраняет за первой русской версией «Евгении Гранде» значение крупного события нашей переводной литературы [см. Бальзак 1935 (3). С. LXXXIV].

Во вступительной статье Леонида Гроссмана к «Евгении Гранде» доводы представлены таким образом, что читатель теряет из виду написанное черным по белому на первой странице. Под действием собранных аргументов читатель забывает, что первый русский перевод романа был затеян по причинам исключительно экономическим, а переводчик обращался к неокончательной версии романа, перевод которой никакой издатель не должен был бы издавать. Более того, перевод был выполнен в две-три недели молодым инженером, который жаждал начать литературную карьеру, но не всегда хорошо понимал переводимый текст и без зазрений совести изменял его по своему усмотрению. Здесь, как и в статье «Бальзак и Достоевский», Гроссман принимает всерьез «первый печатный труд Достоевского». В результате почти все комментаторы увидели в этом переводе свидетельства грядущего мастерства русского писателя и пытались выявить общность между философскими и духовными интересами Бальзака в эпоху создания «Евгении Гранде» и взглядами молодого Достоевского [см. Степанян 2018]. Внимание к переводу вызвано не столько его связью с оригиналом, сколько стремлением понять, в какой мере обращение к роману Бальзака стало литературной школой для русского классика. Исследователи ставят вопросы о том, не вдохновлялся ли Достоевский-переводчик Пушкиным [см. Кибальник 2012] или Эженом Сю [см. Шарапова 2016] и в каких позднейших произведениях стиль Достоевского наиболее близок его переводу [см. Торранс 2013]. Тезисы Гроссмана, доказывающие, что перевод Достоевского остается лучшим почти через сто лет после первой публикации, появляются как обязательное риторическое упражнение, необходимое для оправдания издания.

Вероятно, «Евгения Гранде» как творческая школа для Достоевского заинтересовала только узкий круг литературоведов. Для широкой читательской аудитории было издано (или вскоре должно было быть издано) два современных перевода. Почему же тогда был реализован проект издания первого перевода романа? Можно выдвинуть гипотезу, что причины этого лежат в той же плоскости, что и причины, побудившие Достоевского взяться за перевод «Евгения Гранде»: вполне вероятно, что решающим фактором стали материальные интересы редактора.

«Academia» распределяла среди сотрудников значительные гонорары, исходя из количества и чрезвычайно выросшего объема перитекстов, которые сопровождали произведения, опубликованные издательством. Вступительные статьи, предисловия, очерки, комментарии и примечания были очень развернутыми. Предисловие Льва Каменева к «Былому и Думам» Герцена составляет почти 100 страниц [см. Герцен 1932]. Между руководителями проектов существовала скрытая, но достаточно живая конкуренция, след которой остался в протоколе встреч Редакционной коллегии [см. РГАЛИ 1931]. Во времена дефицита конца 1920-х – начала 1930-х гг. выбор книг для издания зависел и от финансовых соображений. В 1929 г. Гроссман предложил издать «Отверженных» Гюго в новом переводе, но этот проект был отклонен в пользу аналогичного, предложенного Анатолием Виноградовым, итоговая стоимость которого была ниже, так как предполагалось не заказывать новые переводы, а пересмотреть старые, что было выгодно издателю [см. АГ 1929]. Можно предположить, что наученный опытом Гроссман стремился сделать свои издательские проекты экономически конкурентоспособными. При выборе между проектами Academia основывалась, в сущности, на достаточно расплывчатых критериях, а принятые решения показывают, что они применялись непрозрачно и непоследовательно. Влиятельность некоторых руководителей проекта внутри издательства и за его стенами, их связи и дипломатические способности могли склонить равновесие на свою сторону. Гроссман не занимал руководящей должности в «Academia», не состоял в редакционной коллегии. Его важные преимущества перед другими сотрудниками заключались в том, что он был опытным литературоведом и автором нашумевших публикаций. Для того, чтобы получить одобрение, Гроссману следовало представить такой проект, который использовал бы одну из этих сильных сторон и вдобавок был выгодным в финансовом плане. Это случай «Евгения Гранде». Гроссман был видным специалистом по Достоевскому; Academia в тот же год, что и «Евгению Гранде», должна была публиковать его работу, посвященную писателю [см. Гроссман 1935], и

роман «Бесы», в издании которого он принимал активное участие [см. Достоевский 1935]. Перевод «Евгении Гранде» находился в общественном достоянии. При выпуске перевода расходы издательства ограничились гонораром, который следовало выплатить Эфросу, редактору серии «Французская литература», а также авторам, отвечавшим за подготовку текста и создание перитекстов. Гроссман получил львиную долю, так как отвечал за все, кроме первой вступительной статьи, подписанной Грибом. Какой бы ни была культурная и научная ценность проекта, издание «Евгении Гранде» в переводе Достоевского было в конечном итоге выгодной сделкой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Архивы

АГ – Архив Горького (ИМЛИ РАН)

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства

АГ. КГ-изд- 2-6-1. Протокол № 1 заседания Редакционного Совета издательства Academia, состоявшегося 26-го мая 1932 года. Л. 2-3.

АГ. КГ-изд- 7-10-1. Объяснительная записка к плану А. В. Луначарского и А. К. Виноградова на план издания Собрания сочинений В. Гюго. 6 июня 1929-го года.

РГАЛИ. 1303-1-597 Протокол совещания по выработке 3-летнего редакционного плана издательства Academia по серии «Мастера стиля». (б. д.).

РГАЛИ. 1303-1-597. Протокол заседания Редакционной коллегии издательства Academia по выработке редакционного плана по отделу французской литературы XVII-XX вв. 6 марта 1931.

1. Бальзак Оноре де. *Евгения Гранде*. Роман г-на Оноре де-Бальзака. Санкт-Петербург: *Репертуар и пантеон*. 1844. Т. 6. Кн. 6. С. 386-437. Т. 7. Кн. 7. С. 44-125. (Переводчик не указан).

2. Бальзак Оноре де. *Евгения Гранде*. Пер. Ф. М. Достоевского. Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений*. 23 т. Петроград: Просвещение, 1911-1918. Т. 23. 1918.

3. Бальзак Оноре. *Евгения Гранде*. Пер. Ю. Верховского. Лит. коммент. Б. А. Грифцова. Оноре де Бальзак. *Собр. соч.* Под общ. ред. А. В. Луначарского и Е. Ф. Корша. Москва-Ленинград: ГИХЛ, 1935 (1). Т. 4: Человеческая комедия.

4. Бальзак Оноре. *Евгения Гранде*. Пер. Ю. Верховского. Прим. Е. Ф. Корша. Москва: Гослитиздат, 1935 (2).

5. Бальзак Оноре де. *Евгения Гранде*. Пер. Ф. М. Достоевского. Ред. и коммент. Л. П. Гроссмана; вступ. статьи В. Гриба, Л. П. Гроссмана. Москва-Ленинград: Academia, 1935 (3). (Французская литература. Оноре Бальзак (1789-1850). *Сочинения*. Под общ. ред. А. М. Эфроса).
6. Бальзак Онорэ де. *Новеллы и рассказы*. В 2-х т. Под общ. ред. и с предисл. Б. А. Грифцова. Москва- Ленинград: Academia, 1937.
7. Бальзак Онорэ де. *Утраченные иллюзии*. Пер. И. Б. Мандельштама. Ленинград: Academia, 1930.
8. Бальзак Оноре де. *Цезарь Бирото*. Роман. Пер. с фр. И. Б. Мандельштама. Ленинград: Прибой, 1928.
9. Бальзак Оноре де. *Эжени Гранде*. Роман. Пер. с фр. И. Б. Мандельштама. Ленинград: Прибой, 1927.
10. Беранже Пьер-Жан. *Полное собрание песен*. В 2 т. Под общ. ред. И. К. Луппола. Текст под ред. А. М. Эфроса. Примеч. Д. Е. Михальчик и Л. Н. Галицкого. 2-е изд., испр. Москва: Academia, 1936. (Французская литература). Т. 1: 1810-1830. Ст. А. М. Эфроса. Т. 2: 1830-1857. Вступ. ст. Ю. Данилина.
11. Болотов А. Т. *Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков*. Под общ. ред. и с пред. А. В. Луначарского. Вступ. ст. С. М. Ронского. Коммент. П. Л. Жаткина. Москва-Ленинград: Academia, 1931 (Памятники литературного и общественного быта).
12. Вазари Джорджо. *Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих*. Т. 1-2, переведенные с итальянского и комментированные Ю. Верховским, А. Губером, А. Дживелеговым и А. Эфросом. Пред. А. В. Луначарского. Ред. и вступ. статьи А. Дживелегова и А. Эфроса. Москва-Ленинград: Academia, 1933.
13. Герцен А. И. *Былое и думы*. В 3-х т. С биогр. очерком, вступ. ст. и коммент. Л. Б. Каменева. Отв. ред. Л. Б. Каменев. Москва-Ленинград: Academia, 1932.
14. Гриб В. "Мировоззрение Бальзака". *Литературный критик*. 1934. № 10. С. 27-73.
15. Гроссман Л. П. "Бальзак и Достоевский" (1919). Гроссман Л. П. *Поэтика Достоевского*. Москва: Гос. акад. наук, 1925.
16. Гроссман Л.П. *Жизнь и труды Ф. М. Достоевского: биография в датах и документах*. Москва-Ленинград: Academia, 1935.
17. Дельвиг А. И. *Полвека русской жизни: Воспоминания А. И. Дельвига*. 1820-1870. Ред. и вступ. статья С. Я. Штрайха. Предисл. Д. О. Заславского. Москва-Ленинград: Academia, 1930.
18. Достоевский Ф. М. *Бесы*. В 2 т. Ред., вступ. статья и коммент. Л. П. Гроссмана. Предисл. П. П. Парадизова. Москва-Ленинград: Academia, 1935.

19. Фромантен Эжен. *Доминик*. Роман. Пер. с франц. И. Б. Мандельштама. С вступ. ст. А. Г. Горнфельда. Ленинград: Academia, 1930.
20. Керн А.П. *Воспоминания*. Предисл. П. И. Новицкого; вступ. ст., редакция и примеч. Ю.Н. Верховского. Ленинград: Academia, 1929.
21. Кибальник С. “К проблеме интертекстуальной аккультурации оригинала («Евгения Гранде» О. Де Бальзака в переводе Ф.М. Достоевского)”. *Kaunas: Česlovo Milošo skaitymai*, 2012. № 5. С. 68-77.
22. *Книга тысячи и одной ночи*. В 8 т. Пер., вступ. ст. и коммент. М. А. Салье. Под ред. акад. И. Ю. Крачковского; со статьей М. Горького «О сказках». Пред. акад. С. Ольденбурга. Ленинград: Academia, 1932-1939.
23. Лешневская А. “Три Гранде”. *Иностранная литература*. 2008. № 4. С. 283-289.
24. Полициано А. *Сказание об Орфее*. Пер. С. В. Шервинского. статьи А.К. Дживелегова и М. Н. Розанова. Ред. и коммент. А. К. Дживелегова. Москва-Ленинград: Academia, 1933. (Итальянская литература. Под общ. ред. А. К. Дживелегова).
25. Свифт Дж. *Путешествия в некоторые отдаленные страны света Лемюэля Гулливера сначала хирурга, а потом капитана нескольких кораблей*. Пер. под ред. А. Франковского. Вступ. ст. Э. Л. Радлова, с предисл. П. С. Когана. Ленинград: Academia, 1928.
26. Сервантес Сааведра Мигель де. *Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский*. В 2 т. Пер. под ред. и с вступ. статьями Б. А. Кржевского и А. А. Смирнова. Введ. П. И. Новицкого. Москва-Ленинград: Academia, 1932. (Сокровища мировой литературы).
27. Степанян К. “Достоевский - переводчик Бальзака. Начало формирования «реализма в высшем смысле»”. Москва: *Вопросы литературы*, 2018. № 3. С. 317-345.
28. Торранс Ф. “«Евгения Гранде» Бальзака в переводе Достоевского”. *Достоевский: Материалы и исследования*, Москва: 2013. Т. 20. С. 461-473.
29. Чуковский К. *Искусство перевода*. Москва-Ленинград: Academia, 1936.
30. Шарапова Д. “«Идиот» Ф. М. Достоевского и «Парижские тайны» Эжена Сю: точки соприкосновения”. Кемерово: *Вестник Кемеровского государственного университета*, 2016. № 4. С. 228-232.
- I. Bonnefoy Yves. “Les tombeaux de Ravenne”. Bonnefoy Yves. *L'improbable*. Paris: Mercure de France, 1980.
- II. Catteau Jacques. *La création littéraire chez Dostoïevski*. Paris: Institut d'études slaves, 1978.
- III. Genette Gérard. *Seuils*. Paris : éditions du Seuil. Collection « Poétique », 1987. Rééd. dans la collection « Points Essais »).

IV. Grib V. R. *Balzac. A Marxist analysis*. Translated from the Russian by Samuel G. Bloomfield, N.-Y: edited by Angel Flores, 1937.

V. Masson Frédéric. *Joséphine répudiée (1809-1814)*, Paris: Paul Ollendorf, 1901.

Авторизованный перевод А. Д. Савиной